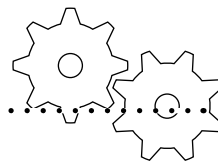

Образование и общество

Константин Витальевич Корсак, *заведующий отделом Института высшего образования Национальной академии педагогических наук, доктор философских наук, Украина*

СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ВОСЕМЬ ПУНКТОВ «ЗАВЕЩАНИЯ» К. ЛОРЕНЦА

Напомним, что австрийский биолог Конрад Лоренц (1903–1989) стал основателем современной этологии и получил Нобелевскую премию по медицине и физиологии в 1973 году за значительный научный вклад, часть которого благодаря СМИ стала объектом внимания широкой общественности (например — явление импринтинга для новорождённых утят). Главные результаты он получил на территории Баварии, руководя специализированным институтом, а вообще был почитаем не только премиями и другими отличиями, но и включением главных позиций этологических законов природных основ поведения и морали животных и человека в курсы биологии системы образования Германии.

Есть основания отнести к наибольшим жизненным достижениям Конрада Лоренца значительное влияние на общественную самооценку граждан Европейского союза, на их представление о весьма скрытых причинах возникновения и формирования целого комплекса экологических угроз не только

качеству жизни граждан развитых промышленных государств, но и всего человечества.

Среди всех многочисленных работ К. Лоренца, которые имеют подобное мировоззренческое направление, целесообразно выделить его «Завещание» — авторский перечень тех самых весомых ошибок («грехов»), которые осуществили и продолжают осуществлять руководители и граждане тех государств, которые в XIX и XX столетиях стали определять мировую экономику и политику. Приходилось встречать мысли-оценки современников К. Лоренца, которые звучали так: влияние «Завещания» оказалось неожиданно большим потому, что оно было обнародовано практически одновременно с известным прогнозом будущего «Пределы роста», который выполнили исследователи из Римского клуба и привели неопровержимые данные о нарастании экологических угроз. «Завещание» осветило «нематериальную» группу угроз, подействовало на большинство учёных и многих политиков особым образом, стимулируя опреде-

лённые изменения в политике социального и экономического развития, оказывало содействие изменениям в культуре и преобразовании экологического образования в очень важный аспект деятельности средней и высшей школы.

Лейтмотив обращения К. Лоренца к человечеству — **ОПОМНИТЕСЬ!** Тон его изложения взвешен и свободен от эмоциональных чрезмерностей, поскольку опирается на достижения точных наук и большое количество очень убедительных экспериментов. К. Лоренц убеждён в том, что не религиозные проповедники и политики, а представители этих наук лучше всех других замечают зарождение и развитие тех явлений, которые формируют главные угрозы человечеству в последующие десятки лет. Он доказывает ошибочность и бесперспективность современного менталитета и определяющих основ человеческой деятельности, называя их отдельные аспекты «грехами цивилизованного человека». Всего их в «Завещание» включено восемь. Целесообразно рассмотреть их последовательно.

1. «Демографический взрыв», который уже послужил причиной значительной перенаселённости суши. В очень далёком прошлом способность и желания людей предоставлять жизнь новым поколениям были приблизительно такие же, как и в новые времена. Но тогда влияние окружающей среды ограничивало количество тех детей, кто достигал половой зрелости, «демографический взрыв» не представлял угрозы. Как констатирует К. Лоренц, прогресс техники, химии и медицины привёл к безмерному росту числа людей, а поэтому челове-

честву угрожает опасность задохнуться в самом себе.

А теперь предупреждение учёного-этолога:

«Ужаснее всего, однако, что в этом апокалипсическом ходе событий высочайшие и благороднейшие свойства и способности человека — именно те, которые мы по праву ощущаем и ценим как исключительно человеческие, — по-видимому, обречены на гибель прежде всего. Все мы, кто живёт в густонаселённых странах, во все больших городах, уже не сознаём, насколько нам не хватает простой человеческой любви. Нужно побывать в безлюдном крае и зайти незваным гостем в какую-нибудь хижину, чтобы оценить, насколько человеколюбив человек, если его способность к социальным контактам не подвергается перегрузке. Скученность человеческих масс приводит к тому, что мы уже не в состоянии различать отдельных людей. Мы так устроены, что не «можем любить всех». Поэтому вынуждены выбирать себе некоторых друзей, если хотим вообще сохранить тёплые отношения с людьми, и «держаться на расстоянии» многих других людей, не менее достойных нашей дружбы».

Развивая эту мысль, К. Лоренц даже формулирует определённую закономерность: в современных городах агрессивность и нетолерантность горожан прямо пропорциональны плотности их сосредоточений, достигая максимума на переполненных вокзалах, стадионах и других сборищах. Рост плотности застройки и высшая перенаселённость косвенным чином оказывают содействие также многим другим проявлениям цивилизационной деградации.

2. Опустошение жизненного пространства. Во времена создания «Завещания» ещё не было до конца преодолено представление об «неисчерпаемости» природы, о возможности замены одних ресурсов другими и удлинения этого процесса в бесконечность. Но неисчерпаемости нет не только количественной, но и качественной, ведь современная биосфера с её разнообразными экосистемами является довольно тонко настроенным механизмом, изъятие из которого определённого звена приводит к резким изменениям, которые, очевидно, оказываются неблагоприятными для людей как интегральной части невозмущённой биосферы. В поспешности под давлением угрозы голода современные люди не совершенствовали биоценозы, а огнём и плугом разрушали их полностью, заменяя искусственными, влияния которых не только нарушают обмен веществ и провоцируют болезни и аллергии, но и разрушают внутренний мир человека, делают его совершенно нечувствительным к красоте живой природы, ведь горожанин XX века мог её просто никогда не видеть. К. Лоренц сравнивает города-гиганты с раковыми опухолями, а стандартизированные дома и квартиры именуется стойлами для «человеческого скота». Они неизбежно агрофируют и эстетические, и этические чувства, достигая своего максимума в болезни, которая состоит в «искренней слепоте к прекрасному».

3. Гонки с самим собой. Зоологи уже давно обнаружили, что внутривидовые соревнования между его представителями гарантированно губительны для вида, а спасение может поступить только от коррек-

ционного влияния окружения. К. Лоренц пишет: «Фазан аргус привлекает самку разворотом крыльев. Чем большие крылья, тем более шансов иметь потомство. Крылья уже большие настолько, что самцы почти не способны летать. И окончательно разучились бы, если бы наземные хищники не делали отбор в противоположном направлении. В культурном же развитии человечества благотворные внешние силы сейчас бездействуют. Большинство современных людей воспринимает как ценность лишь то, что позволяет им обогнать своих побратимов».

Мы имеем вокруг себя бесчисленное количество губительных результатов этих соревнований и «гонок». Вследствие возвеличивания «современного либерального капитализма» на экс-советских территориях участники руководящих элит не только соперничают между собой, но и толкают людей к соревнованию. К. Лоренц приходит к неутешительному выводу: «Но довольно вероятно, что кроме стремления к обогащению или к более высокому социальному рангу важнейшую роль в поспешности играет *страх*. Страх отстать в этих гонках, страх принять неверное решение, страх разориться... Человек спешит не только из жадности, его что-то *подгоняет*. И эта паническая поспешность лишает человека способности к *соображению*. Поэтому, даже если предположить, что перенаселённость Земли не будет возрастать с нынешней скоростью, экономический бег человечества наперегонки с самим собой достаточен, чтобы его погубить. Дьявольским является круг непрерывно возрастающего производства и потребления...».

4. Четвёртый «грех». К. Лоренц называет «тепловой смертью чувств» и в его толковании обращается к достижениям созданной с его непосредственным участием этологии.

Он напоминает, что **условные** рефлексы могут формироваться как стимулами, которые усиливают некоторые действия поведенческого характера, так и теми, что тормозят или ликвидируют их полностью. Появление первых стимулов связано с удовлетворением, вторых — с недовольством. Подкрепляющее «вознаграждение» побуждает организм мириться с недовольством в данный момент ради удовлетворения в будущем. Неприятное «наказание» не разрешает организму подвергаться опасностям, несравнимым с ожидаемым благом. Гибкий механизм удовлетворения-недовольства определяет поведение всех живых существ в зависимости от сформированной «конъюнктуры».

Однако как и все нейросенсорные системы подобной сложности, механизм удовлетворения-недовольства подвергается процессу привыкания: любая комбинация стимулов при многократном повторении постепенно теряет свою действенность. Кроме того, этот механизм имеет свойство инертности реакций: внезапное прекращение сильных раздражений, которые вызвали недовольство, воспринимается как заметное удовлетворение.

Оба указанных свойства системы удовлетворения-недовольства могут привести к опасным расстройствам этой системы в жизни современного человека, поскольку рассмотренный механизм возник в истории нашего вида вместе с другими природными программами деятельности в экологи-

ческих условиях, довольно отличных от нынешних. Доисторический человек был голоден, испуган и беззащитен перед большими хищниками. Он страдал от холода или жары.

В подобных условиях обжорство, лень и осторожность, которая граничит с трусливостью, были необходимыми элементами стратегии выживания. Нашим предкам не приходилось «по-рыцарски» искать себе жизненные испытания — испытаний и так было сверх меры, а поэтому механизм удовлетворения-недовольства удерживал их от лишних опасностей и лишней затраты энергии. К. Лоренц имеет все научные доказательства того, что только что указанные механизмы в условиях второй половины XX века приносят губительные результаты. Избегая недовольств, мы становимся разбалованы и зависимы от комфорта. Одновременно с обострением чувствительности к недовольству происходит привыкание к удовлетворению и снижению его привлекательности. Теряется способность вкладывать усилие во что-то такое, что принесёт удовлетворение лишь в будущем. Но погружением в комфорт люди лишают себя *радости* преодоления трудностей и гарантируют серое, однообразное существование. Погоня за всё новыми и новыми стимулирующими ситуациями удовлетворения мало помогает, но оказывает содействие развитию общего безразличия, поскольку всё новое быстро теряет привлекательность через привычку.

Причины изнеженности и тепловой смерти чувств ясны, но отыскание и применение инструментов борьбы с этими явлениями — трудная проблема. К. Лоренц очень надеется на то, что простор угроз существ-

вованию современной цивилизации такой большой, что каждый её представитель будет иметь «достаточно препятствий» для своей закалки и преодоления тепловой смерти чувств.

Будем надеяться, что именно в этом он не ошибается.

5. Генетическая деградация. К. Лоренц под этим понятием имеет в виду не индивидуальные физиологические отклонения из-за образования мутаций в процессе развития плода в теле матери, а поведенческие разлады всей популяции людей. Он начинает из открытого этологами факта: для всех стайных существ (а люди — тоже стайный вид) некоторые способы социального обращения полезны сообществу, но вредны для индивида. Например, у галок защитная реакция побуждает каждую птицу заступиться за родственника, который попал в когти хищника. Для вида это удобно — группа, члены которой ведут себя таким образом, имеет лучшие шансы на выживание, чем группа, в составе которой все «эгоисты». Но что препятствует тотальной «эгоистизации» популяции и почему селекционный отбор на ведёт именно к ней? К. Лоренц признаёт, что ни он, ни его коллеги не могут объяснить, почему среди галок и других стайных существ так и не исчезли «альтруисты», не ликвидировалась защита потомства и отпор хищникам с риском для собственной жизни.

К. Лоренц убеждён в том, что в естественных условиях «генетически нормальный человек» наделён специфическими реакциями на асоциальное обращение. Оно его настолько «приводит в негодование», что

даже краткое и не слишком решительное лицо реагирует прямым нападением, увидев, что бьют ребёнка или насилуют женщину. Правовые системы в разных «примитивных» культурах обнаруживают разительное сходство, которое нельзя объяснить культурно-историческими связями, поскольку таких связей не существовало. Отсюда и возникло представление о «правовом чувстве», о «естественном праве». С древнейших времён это предположение связывалось с его божественным происхождением. На самом же деле мы встречаемся здесь с *унаследованными* способами поведения. Мы не можем дать абсолютных доказательств утверждения относительно наличия у вида *Homo sapiens* особой системы способов поведения, служившей искоренению паразитов, которые угрожали обществу, но в рамках достижений этологии её существование можно считать установленным научным фактом.

В результате генетических отклонений нормальные унаследованные реакции социального поведения могут исчезать у человека так же, как и у отдельных галок, а воспитание и обучение отнюдь не всегда способны компенсировать возникающую в такой способ асоциальность. Криминологи слишком хорошо знают, как мало надежд превратить в социальных людей так называемых «эмоционально бедных».

Следующие соображения К. Лоренца особенно важны для настоящего. Его приводит в негодование не критическое восхваление понятия «равенства». Он указывает: «Убеждение, что все люди рождаются равными и что все моральные пороки преступников нужно относить на счёт их воспитателей, которые перед ними грешны, — это

убеждение превратилось в религию, которая приводит к уничтожению естественного правового чувства. Сам преступник, преисполнен сожалением к себе, считает себя жертвой общества, а наша жалость к асоциальным отщепенцам мешает нам защищать от них нормальных людей».

К. Лоренц совершенно прав в этих утверждениях, отрицающих современный «бесконечный гуманизм». Рамки статьи не дают возможности привести конкретные судебные дела молодых российских и украинских бандитов, которые объясняли убийства и разбой «ошибками школьных учителей и воспитателей».

Продолжая «переброс мостиков» от этиологии к социальным нормам, К. Лоренц указывает, что таинственно «правовое чувство» есть просто система генетически закреплённых реакций. Именно оно побуждает нас выступать против асоциального поведения наших побратимов по виду. Несомненно, что вероятность ошибочных действий этого правового чувства настолько же велика, как и в случае любой другой инстинктивной реакции. Оно вызывает чрезмерную жестокость относительно «варваров» вне собственного сообщества (и ещё большую — относительно меньшинств внутри него). Оно побуждает к поиску «козла отпущения» за собственные грехи и служит причиной множества других опасных и аморальных импульсов, которые неопытному человеку тяжело уловить и различить. И, тем не менее, для механизма нашего социального взаимодействия это «правовое чувство» так же необходимо, как щитовидная железа — для эндокринной системы. Поэтому нынешняя тенденция его тотального осуждения может оказаться настолько же губительной, как

попытки лечить базедову болезнь удалением щитовидной железы.

Научная честность и желание предупредить современников об опасностях социальных болезней, принуждают К. Лоренца к довольно жёстким заявлениям: «Чтобы вообразить себе, какими опасностями угрожает человечеству исчезновение унаследованных социальных инстинктов, нужно осознать, что в условиях современной цивилизованной жизни нет ни одного фактора, который осуществляет отбор в направлении простой доброты и порядочности, ни одного, кроме нашего врождённого чувства к этим ценностям».

Любой из нас здесь может возразить: а зачем тогда детские садики и вся дальнейшая система образования? А как оценить воспитательное влияние СМИ? Но сам же К. Лоренц лично испытал все эти влияния и далеко не без оснований выставил им «жирную двойку» (...нет ни одного фактора!). Остаётся надеяться на то, что научные преемники К. Лоренца окажутся способными убедить распорядителей «современного информационно-воспитательного пространства» в необходимости движения к стадии ноосферы через коренное изменение основ деятельности этого пространства и его общей ориентированности (начать можно было с расширения номенклатуры мировых конвенций, приняв «Этику журналистики», «Обязанности человека» и много подобных).

6. Разрыв с традицией. Указывая, что развитие человеческих культур во многом подобно развитию биологических видов, К. Лоренц акцентирует тот факт, что историческое развитие культуры людей происходит неизмеримо быстрее эволюции любого

существующего вида (например, обезьян или дельфинов). Хорошая естественная черта — высокая инертность культурного достижения, опора на надёжные и проверенные традиции. По обыкновению передача традиций от одного поколения к следующему происходит без особых «массовых катаклизмов и отчаянной войны поколений». К. Лоренц уточняет, что естественной нормой считается лишь отделение молодых от старших и соревнование между собой. В период созревания парень освобождается от традиций семьи, критически переоценивает их и ищет для себя новую группу, новые идеалы. Этот процесс, безусловно, важен для сохранности вида, поэтому он и вошёл в программу взросления человека. Содержание его в том, чтобы сделать передачу культурных норм менее окаменелой, способной к некоторой гибкости. В значительно более старшем возрасте молодой человек входит в состояние «позднего послушания», значительно выше оценивая много тех взглядов своих родителей, против которых когда-то пылко возражал. Указанная система устраняет устаревшие элементы унаследованной культуры, но сохраняет в ней всё важное и необходимое.

Однако в работе этой системы могут возникнуть нарушения. Главные их причины — невиданно быстрые изменения культуры и чрезмерное уменьшение семей, в которых уже не представлено сразу несколько поколений. От себя автор этой статьи может прибавить ещё и такое: отсутствует крайне важное понимание того, что только в пределах семьи возможно подобие «рая» — сферы положительных эмоций и взаимной заботы. Тем временем, быстро усвоить культурную традицию другого человека можно лишь то-

гда, когда любишь его и смотришь на него с уважением или любовью. Поэтому последствия весьма глубокого отказа от родительской традиции становятся губительными для самой молодёжи.

Человек по природе своей культурное существо, он может найти себя лишь в какой-то культурной группе. И если рассмотренные выше причины отнимают у неё возможность находиться в традиционной культуре, то влечение к групповой принадлежности удовлетворяется как при любом инстинктивном влечении с помощью объекта, который замещает, т.е. какой угодно группы: преступников, сатанистов, наркоманов или каких-то «бунтарей», рушащих все «основания». К. Лоренц с печалью констатирует: «Трудно доказать тем, кто нас ненавидит, что в наших традициях заключены высокие ценности, без которых культура может угаснуть, как пламя свечи».

7. Индоктринация. К. Лоренц имел личные основания очень критически относиться к проповедникам «правильных идей и взглядов» в образовательно-воспитательных системах, поэтому придаёт седьмому «греху» особое значение. Он поддерживает путь научного познания, в частности, необходимость выдвижения гипотезы и её дальнейшей проверки, но категорически против объявления сформированной по этому пути доктрины «абсолютной истиной» и развёртывания отчаянной борьбы с теми, кто недостаточно пылко восхищается ею.

Это место — едва ли не лучше всего проиллюстрированная и убедительная часть «Завещания» К. Лоренца. Он с сарказмом указывает, что предельно ошибочная гипотеза «*tabula rasa*», намерения В. Вундта и дру-

гих учёных превратить психологию в точную науку вместе с убедительными и простыми опытами И. Павлова породили опасный бихевиористский «коктейль», появление которого радостно приветствовали и представители религии, и диктаторы, и даже наиморальнейшие демократы.

К. Лоренц не возражает, что все люди имеют право на равные возможности для развития — это несомненная этическая истина. Но эту истину часто превращают в неправду, утверждая, будто бы все люди потенциально равноценны. Бихевиористская доктрина категорична: все люди были бы равны друг другу, если бы смогли развиваться в одинаковых условиях. Даже больше — они стали бы идеальными людьми, если бы эти условия были идеальные.

Наиболее горячо К. Лоренц восстаёт против того, что гипотеза *tabula rasa* и бихевиористская доктрина запрещают нам всем иметь унаследованные свойства, и прежде всего свойства, которые определяют наше социальное поведение. И вот его выводы: «Иллюзия, будто бы из человека можно сделать что угодно — и потребовать от него чего угодно, — лежит в основе многих преступлений против природы и человечества. Такие последствия и *должны* получаться в том случае, когда идеология и политика, которая вытекает из неё, основаны на вранье».

Для своего нормального развития человечество нуждается в иммунитете от индоктринации, критическом отношении к тому новому, что вследствие тотальности СМИ и специфики их деятельности чуть ли не мгновенно становится всеобщим достояни-

ем догматического плана. Прибавим: в другом случае придётся согласиться с тем, что все хорошие намерения неизбежно приводят к плохому (хотели как лучше, а вышло — как всегда).

8. Последним «грехом» К. Лоренц считает создание ядерного потенциала, способного уничтожить всех людей. Но он настолько верит в «достаточную мудрость» современного человечества, что рассматривает его не столько самым опасным, сколько «лёгким к ликвидации» (чего нельзя сказать о тех угрозах, что связаны с социальным поведением и его аберрациями).

В своём «Завещании» К. Лоренц не мог указать, что рано или поздно должны появиться ноотехнологии, как безвредные для биосферы и человечества средства его жизнеобеспечения. Тем временем, первые четыре из них уже существуют, а вскоре поступит и следующая — искусственный фотосинтез, который освободит колоссальные территории от сельскохозяйственного использования. Исчезнет «запрет» на расширение городов, люди смогут расселяться на совсем других основаниях и направить свою энергию на создание красоты вокруг себя. Рамки статьи не дают возможности перечислять подобные события будущего, а потому скажем главное: мудрость человечества достигла ноостадии своевременно. Нет причин бояться того, что замена индустриальных способов ноотехнологиями обострит все «грехи» человечества — наоборот, есть все основания для надежды на то, что они никогда не станут совершенно губительными и невыносимыми.